

Маргарита Южина

ОРДЕН

не мадо

Маргарита Южина

Орден не надо

«Маргарита Южина»

2023

Южина М. Э.

Орден не надо / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2023

Книга о том, как в самые бесчеловечные времена обычные люди оставались обычными героями. А рядом с ними ежедневно совершали подвиги собаки-овчарки, спаниели, кавказцы и обычные дворняги. Им не нужны были медали и ордена, они просто были преданы Человеку.

© Южина М. Э., 2023

© Маргарита Южина, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маргарита Южина

Орден не надо

Глава 1

Солнце светило так безмятежно и радостно, будто совсем не было никакой войны, не рвались снаряды, и целые города не взлетали на воздух. Будто был обычный день.

В центре небольшой деревушки Васильевка собралась кучка людей. Большую часть толпы составляли дети. В одежде не по росту, в оборванных шапках, в какой-то неведомой обуви мальчишки и девчонки разного возраста сейчас стояли в кругу, и лица их сияли от радости и восторга.

В центре небольшого круга бойцы со служебными собаками показывали представление. Это было не просто увеселительное мероприятие. Хотя эти дети столько натерпелись, что можно было перед ними развернуть целый театр, у бойцов была немного другая задача – сейчас они работали за еду. Собак было просто нечем кормить, а такие небольшие сценки помогали хоть что-то заработать для четвероногих бойцов. Представление было частично костюмировано, поэтому на некоторых собаках были заботливо надеты пилотки. Животные понимали всю важность события и к пилоткам относились с уважением, не скидывали.

Лешка Ясенцев – молодой парень лет двадцати пяти со своей овчаркой Грифом уже не первый раз выступали перед публикой, они были, что называется, звездами. Правда, Гриф этого не ведал, но хозяин догадывался. Деревенские девчонки уже давно заглядывались на веселого парня с русым волнистым чубом и лукавым взглядом.

– Дорогие наши зрители! – громко вещал он, ненавязчиво продвигая вперед мешок, где уже лежали черные сухари и какие-то серые лепешки. – А сейчас мы вам покажем сценку «Гитлер капут». Просьба на сцену не выскакивать и сохранять спокойствие. Листин, давай Джека... Листин! Спишь ты, что ли?

Пожилый, лысоватый боец Листин тут же нацепил на свою собаку табличку с надписью «Гитлер». Табличка была бумажная, сделанная наспех, и Джек уже даже успел выразить к ней свое пренебрежение, то есть, один уголок был отжеван.

– Да что ж ты... Прямо всего Гитлера сожрал... – ворчал Листин. – Погоди... сейчас поправлю... все, давай, Джек! Покажи «Гитлер капут». «Гитлер капут», Джек!

Джек тут же вошел в роль, стал бегать по кругу, громко, визгливо лаять и припадать на передние лапы. Люди спешно отходили и уже издали смеялись над таким «Гитлером».

– Вот так фашист напал на нашу Родину, – громко и отчетливо проговаривал Ясенцев. – Но не спит Красная Армия! ... Гриф! Я говорю – Красная Армия не спит! Чего ждешь?! Прутков! Где «Армия»-то?!

Прутков – совсем молодой парнишка интеллигентного вида с красавцем овчаром Сталом настолько проникся сценкой и загляделся на собак, что забыл про свой выход.

– Стал! Не спит Красная Армия! Вперед! – выпустил он вперед свою собаку.

Стал и Гриф в пилотках, чтобы ни у кого и сомнения не осталось, что они представители Красной Армии, с лаем набросились на орущего «Гитлера», и тот повалился на землю, в восторге суча лапами. Мало того, Джек был настолько артистичен, что даже трусливо повизгивал. Это уже он сам придумал, а его проводник Листин за это ему даже половину сухаря не пожалел.

Сценка имела оглушительный успех – дети смеялись во весь голос. Хотя и отучились они за эти страшные годы хохотать, ну да детство свое берет. Да и как не засмеяться, над таким смешным Гитлером! Хмурые лица взрослых тоже разгладились, женщины улыбались и лезли

в фартуки. В мешок летел сухари, картофельные очистки, какие-то овощи и даже небольшой кусочек желтого сала.

– Ого! Спасибо вам! – от всего сердца благодарил Ясенцев. – А сейчас мы вам покажем, как фриц уносит ноги... Гитлер, прошу на сцену!

Джек все с той же табличкой резво выбегает в центр круга, весело таякает на зрителей, но тут же выскакивают артисты в пилотках – Стал и Гриф, грозно рычат на «Гитлера», и Джек уползает из круга, громко повизгивая.

И снова смех, улыбки, руки сами тянутся, чтобы погладить собак.

– Артисты! На сцену! Поклон нашим зрителям! – Ясенцев уже видел полный мешок с собранным провиантом, поэтому по-настоящему был рад. Хватить собакам и на сегодня, и на завтра. – Товарищи! Похлопаем нашим артистам. Они себе заработали на кашу.

– И каждый день зарабатывают, – негромко проговорил Листин, наглаживая своего «Гитлера». – Столько мин с полей убрали...

Вроде и сказал негромко, а слышали почти все. Казалось бы, люди уже итак поделились, чем могли, но нет – снова убегали к домам дети и приносили черные, скрюченные горбушки.

А Ясенцева несло.

– Вот спасибо! Прямо... вот огромное спасибоще! А сейчас насладитесь зарисовкой «Красная Армия всех сильней»! Прутков, Листин! Музыку!

Музыка не заставила себя ждать. Листин тут же раздул щеки и начал изображать, видимо, ударные инструменты, потому что из его уст вылетало грозное:

– Пумпа-пумпа, пум-пум.

– Белая армия, черный барон... – слишком звонким голосом начал Прутков. Все же, наверняка, парню не было и восемнадцати. Соврал в военкомате, негодник. – Снова готовят нам царский трон...

– Тынц-тынц ... – вступили, надо думать, литавры.

Песня настолько захватила самих артистов, что никто из них и не заметил, как к театральной труппе подошел здоровенный боец с такой же здоровенной лохматой собакой.

– Во дают, – не утерпел боец. – Прямо тебе оркестр!

Его мохнатая собака была не настолько очарована исполнением, она просто огляделась и сунула морду в миску с кашей, которую держала невысокая девчушка.

– Мамашки! Медведь! – завизжала девчушка, бросила миску с кашей и рванула наутек.

Круг зрителей тут же распался. Люди понимали, что это не медведь, но уж очень непривычные размеры были у псины.

– Бабулько, мать твою!!! – взревел Ясенцев. – На кой хрен притащился?!

– Ну все, – разочарованно махнул рукой Листин, вытирая губы. – Весь концерт испоганил...

Пришедший парень понимал, что за такое вмешательство никто его по головке не погладит. Еще чего доброго собаку жратвы лишат.

– Товарищи! Да какой же это вам медведь?! – пытался он хоть кого-то удержать. – Это же... Это же такой же артист! Ваню! Ваню его зовут. Можно Ванькой просто... Леха! Ясенцев! Ну чего у тебя там дальше? Чего ты концерт совсем не ведешь? Вот ведь ты лентяй какой! Люди ждут, а ты!

– Да пошел ты!.. – расстроился Ясенцев. – Принесла нелегкая...

– Не-не, мы готовы, – крутил головой во все стороны Бабулько. – Кого надо сыграть?

– Гамлета, – пробурчал Прутков. – Играть он приперся... Сам всех распугал...

– Ладно, я сам... – отчаянно махнул рукой Бабулько и кинулся в присядку. – Эх, яблочко, да куда котисся... Ваню! Пляши давай! ... Там-тарам-там-там...

Здоровенный Ваню даже ухом на хозяина не повел, зато он аккуратненько подполз к мешку с сухарями начал аппетитно хрустеть.

Люди начали возвращаться.

– Слышь, плясун! А твой пес-то чего умеет, кроме как жрать?! – доносились из толпы веселые голоса. – Пляши, хозяин! Старайся! Собака-то умнее оказалась!

– Ванька, ирод!! Пошел отсюда! – грудью кинулся защищать мешок Листин. – Бабулько, гад здоровый! Убери своего медведя!

– Бабулько, быстро иди отсюда! – шипел Ясенцев. – Вали отсюда, пока еще не все разбежались.

Но Бабулько любыми путями решил исправить положение.

– Граждане крестьяне! – кричал он, вздымая руки вверх. – Не расходитесь! Чего ж вас несет-то?! Ванька! Прекрати жрать!.. Товарищи! А я... Я фокусы умею показывать! Вот не сойти мне... Есть у кого лепешка? Лепешки ни у кого нет?!

– Такой-то фокус мы и сами знаем! – кричала толпа. – Твой-то медведь уже показал фокус с лепешкой!

– Не сдавайся, Бабулько, – уныло бормотал Ясенцев. – Позорься до последнего... Прутков! Пойдем... Листин, мешок забирай...

Дом, который расположился в густых зарослях сирени, был отдан командованию под штаб.

– Обстановка сейчас крайне напряженная, – склонился над картой капитан. – Не сегодня-завтра немец в наступление рванет, а помощь к нам не скоро подойдет. Рассчитывать надо только на себя. Сержант Сенин, твоих собак по полной надо использовать.

– Товарищ капитан, – струной вытянулся Сенин. – Наши собаки работают по всем профессиям. И саперы они, и санитары, и грузы на них таскаем, чего уж...

– Знаю. Но сейчас надо освоить еще две специальности – диверсантов и истребителей.

– Диверсантов – это понятно, а истребителей? – не сразу сообразил Сенин. Вернее, боялся сообразить.

– Да, Сенин! – повысил голос капитан. – Истребителей! Собаки должны подрывать танки! И они будут подрывать их!.. Даже если придется подрываться самим! Тебе должно быть известно, что сейчас воспитываются десятки псов, которые могут кинуться под танк!

– Мне известно... – кивнул Сенин. – Я знаю. Им даже кличек не дают. Только номера. Чтобы к собакам не привыкать... Но у нас талантливые саперы, а это...

– На нас пойдут танки, ты понимаешь? И нам надо выстоять. Ты пошлешь под танк бойца или твоего талантливого сапера? – капитан хлопнул по столу ладонью, как припечатал. – Собаки пойдут под танки! Приказ ясен?

– Так точно!

– Иди... готовь собак.

Сенин вышел из дома и огляделся. Надо было посмотреть – вдруг какая машина до Васильевки идет.

Машина не быстро, но подвернулась.

– Садись, сержант. Чего смурной такой? – спросил веселый парень – водитель.

– Да... просто задумался, – отмахнулся Сенин.

Ну... приказ, как приказ, разумный. Все логично. В самом деле, не ребят же посылать. Не в игрушки играть приходится. И все же... Вот черт, говорили же ему мудрые люди – не давай клички псам! Эх... А как не давать, когда люди к нему со своими собаками пришли, из мирной жизни, после школы ДОСААФ. У собак уже были клички. Почти у всех. Он и сам пришел со своим Бураном. Правда, Буран вот только...

Дом, куда определили подразделение проводников с собаками, находился в самом конце деревни. Сразу за домом поле, а чуть подальше – лес. Для собак раздолье. Да и для людей

красота. Правда, сейчас в поле никого не было. Сейчас во дворе, кто на чем, расположились бойцы, а рядом с ними разлеглись их собаки.

Варшов – ветеринарный врач, а по совместительству и человеческий доктор, подозвал к себе Данилова – пожилого мужичка лет шестидесяти пяти, и теперь они вдвоем раскладывали на телеге крапиву.

– Фомич! – поучало ветеринар. – Ты крапиву-то пореже клади, а то плесенью вся поидет... А собакам крапива – первейший витамин.

– Да знаю я твой витамин, – бурчал Данилов. – Нашим бы собакам кость побольше. Да пожирнее! Вот тебе и витамин.

– А мы ведь могли бы покормиться, как положено, – вздохнул Ясенцев. Он расположился рядом и вычесывал Грифа. Клок собачьей шерсти зацепился за пальцы и никак не мог отцепиться. Тогда парень аккуратно его снял и устроил на лысую голову Листина. – Вот какого лучшего эта бабулька вылезла, спрашивается?

– Леха! Слышь! Я ж тя просил меня бабкой не кликать! – взорвался Бабулько. – Мне вот эта кличка вообще ни фиги не нравится!

– А клички, Коля, не мы выбираем, а они нас, – тоскливо сообщил Ясенцев.

– А тебе какую кличку хочется? – спросил вдруг Климов – мужчина лет тридцати. Вообще, Климов редко когда улыбался или поддерживал шутки. Но тут чего-то не удержался. – Какую?

– Меня вот Прутков бабуином кликал, – стыдливо потупился Бабулько. – Так мне вроде и ничего...

Прутков дернул носом и вдруг обнаружил что-то необычайно важное в шерсти у Стала.

– А что ж такое бабуин, Коля? – изо всех сил старался сохранить серьезное лицо Ясенцев.

– Это мне думается... – Бабулько даже голову вверх задрал от важности. – Это такой командир над бабами.

– Дурак ты, Коля, – не выдержал Варшов. – Обезьяна это такая. Командир над бабами... придумает же...

– Кто? – не расслышал Бабулько, но уже ничего не мог услышать.

– Леха! Ясенцев, шельмец!! – взревел Листин. – Да что ж ты мне на лысину всю шерсть со своей псины устроил!! Да что ж такое-то?! Я ж тя...

– Тихо... – насторожился Ясенцев. – Гляди, Кудяхин идет. Да не пу-у-у-у-о-о-ой!

Во двор и правда, заходил Кудяхин с мешком в руках, а рядом с ним важно вышагивал Валет – его собака. Кудяхин всегда был весел, вороват, добр и щедр. Сам он уверял, что его прапрадедушка греческий барон, но Прутков с ним по этому поводу всегда спорил – ну не было у греков баронов. А вот, что кровь у парня была цыганской, в этом не сомневался никто, разве что сам Кудяхин. Пес его был под стать хозяину – быстрый, ловкий, вороватый, добрый и щедрый.

– Кудяхин!! Ты ж умница такой, опять что-то спер, – ласково пропел Ясенцев.

– Хвалите нас, хвалите, – во все лицо улыбался добытчик. – Мы вам с Валетом полмешка картохи заработали.

– Да когда ж ты зарабатывал-то, Кудяхин, – фыркнул Климов. – Спер, поди опять.

– Не слушай его, Валет, – закрыл уши собаке парень. – Куда это добро тащить?

– А давай в дом, – взял у парня мешок Ясенцев и поволок в дом.

– Кудяхин, но если ты опять украл... – презрительно сощурил глаза Прутков. – Я сразу...

– Прутков, отвали, – отмахнулся Кудяхин.

Ветеринар Варшов хотело было и свое словцо вставить в воспитание вороватого парня, но его взор наткнулся на телегу, где безмятежно храпел Бабулько. Рядом с ним растянулся его боевой товарищ Вано и тоже сотрясал двор храпом.

Некоторое время Варшов молча смотрел на Бабулько, а потом вдруг рывкнул изо всех сил:

– Бабулько!! Мать твою разэдак!! Почему собаку не вычесал?!

Бабулько такими воплями было не поднять, но вскочил Вано и тукнулся в руку хозяина. После этого тайного знака Бабулько спать не мог.

– Ага... че опять?... – вскочил он, сонно тараща глаза.

– Почему, спрашиваю, собаку не прочесал?! – надвигался ураганом Варшов. – Как Ванька воевать будет, когда у него лапы не разгибаются от колтунов?!

– Дык... это... где я такого ведьмедя вычесу? ... – бурчал себе под нос парень. – Хорошо вон Ясенцеву, у него вообще Гриф по репейникам не шастает, а моего хлебом не корми...

– Молишься там, что ли? – не отставал Варшов. – Бабуин хренов. Чтобы сейчас же вычесал собаку, а то сержанту доложу, он...

– А вот и он сам, – заметил Кудяхин и тихонько ухватил своего Валета за ошейник. – Пойдем, дружок, самое лучшее правило – подальше от начальства, поближе к кухне...

Во двор входил сержант Сенин, и вид у него был совсем не радостный.

– О, глянь, – толкнул в бок Ясенцева Листин. – Смурной какой идет сержант-то...

– Он своего Бурана позавчера схоронил, – негромко напомнил Ясенцев.

– Зато сам живой остался, – фыркнул Климов. – За одно это должен каждое утро радостным оскалом встречать.

– Ты чего-то не сильно скалишься, – буркнул Прутков и незаметно притянул к себе Стала. Сержант Сенин не стал заходить в дом, огляделся и присел на бревна:

– Все здесь? Хорошо... Значит так... – сержант вытер лицо рукой и говорил, глядя куда-то вверх голов. – Поступил приказ выучить собак еще двум профессиям. Они должны стать диверсантами и истребителями. Значит, диверсии будем обучать чуть позже, а истребители... Сейчас идем в соседнюю деревню, там танки стоят. Ребята обещали помочь. Там с танками надо. Через два часа выдвигаемся. Собак не кормить.

– И рады бы покормить, да этот Бабулько... – под нос пробормотал Ясенцев.

– Не верьте вы ему! – взвился Бабулько. – Сейчас они начнут вам плести, что мой Ванька сожрал все су...

– Отставить разговоры! – прервал Сенин. – Задание ясно? Все. Готовьтесь.

– Товарищ сержант, – выступил вперед Прутков. Парень волновался, на лбу выступила испарина, но молчать он не мог. – Товарищ сержант! Разрешите возразить...

– Не разрешаю, – отрывисто ответил Сенин и быстро вошел в дом.

– А я не буду Стала на истребителя! – кричал Прутков в закрытые двери. – И пусть меня под трибунал! И если надо, я сам под танк с гранатой!

– Дурак ты, Валерик, – фыркнул Климов. – Ну и отдадут тебя под трибунал, Стала передадут другому проводнику, и чего кому докажешь? Сейчас же...

– Я вам, товарищ Климов, никакой не Валерик! – резко обернулся к Климову Прутков. – А собаку все равно не дам!

– Ладно, чего ты взвился, – успокоил парня седой Данилов. – Отдашь – не отдашь, время покажет. А собака должна все уметь. Не дури.

Уже через два часа на большой поляне перед двумя танками расположилась шеренга бойцов с собаками. Перед шеренгой расхаживал Сенин и четко объяснял:

– Сначала даете собаке обнюхать танк, познакомьте, чтобы потом без истерик. Затем собаку усаживаете на место, команда «место», а сами – миску с едой под танк. Затем подходите к собаке, команда «работай» и отпускаете псов под танк. Ваша задача – сделать так, чтобы собака не боялась танка. Сначала стоящий танк. Всю еду не даем, у нас должно хватить на весь вечер. В нашем распоряжении два танка. Приступайте.

Солдаты разошлись, и началась работа. Никакого испуга у собак танки не вызвали, да это и понятно – сколько они на своем веку видели таких машин. И стоящих, и едущих, и даже стреляющих. Но приказ есть приказ. Постепенно бойцы приступают к обучению. Но не все сразу получилось даже у самых прилежных.

– Товарищ сержант! – не выдерживает Прутков. – Ну, так вообще работать невозможно! Валет сжирает и свою миску, и нашу! Кудахин! Отдавай корм!

– Поклеп это, товарищ начальник, – возмущается Кудахин. – Мой Валет вообще работает за двоих. И поэтому ему две миски полагается! Вы только посмотрите, как он команду отработал! Валет! Давай работай!

Но в этот раз у Валета не получилось – Стал ждать не стал, он мгновенно рванул под танк и сожрал и свою еду и сотоварища.

– Ну вот, Валерка, – усмехнулся Данилов. – А ты пса не хотел под танк. Он у тебя сам знает, что надо, а чего – нет.

– Хорошо работают собаки, – поиграл желваками Сенин. Быть может, вспомнил своего пса, недавно погибшего, а может... – Продолжайте. Данилов, у тебя Кузьмич совсем под танк не идет, отработывай.

– Так чего там Кузьмичу делать? – дурил Ясенцев. – Данилов сам под танк лезет, все трудовые собачьи крохи подбирает, Кузьмичу ничего не остается.

Данилов только с улыбкой качал головой:

– Вот шельмец это Леха... Кузьмич, давай, не балуй. Давай к миске. Работай!

Под вторым танком была другая проблема – пес Бабулько Ваню никак не хотел вылезать из-под танка. Собака вылизала всю миску и тыкалась носом в поиске новых харчей. Бабулько уже и сам залез под танк, пытался вытянуть гурмана, но ничего не получалось.

– Ванька! Змей гадский! Вылезай, говорю! Сейчас увидят... Да сколько ж можно жрать?! Нет уже ничего... вылезай, – пыхтел парень, толкая пса в пушистый зад. – Не вылезешь, прямо здесь начну вычесывать, как завещал великий Варшов!

– Значит так, Бабулько, – неожиданно раздался над парнем голос сержанта. – Если Ванька через минуту не вылезет, я с тебя...

– Так он не может вылезти, товарищ сержант! – высунулся из-под танка Бабулько. – Он все выполнил и... это... погиб смертью храбрых. Как он вылезет-то?

– А ты ему миску вытащи, – негромко подсказал Ясенцев. – Не поверишь, миска, она такие чудеса вытворяет. Будет твой Ванька, как живехонький.

– А я так и собирался... – тараторил глаза Бабулько. – Вот так и хотел.

У Климова собака под танк не шла. Эта дворняжка ему досталась не так давно. Он и вовсе не собирался быть проводником собаки, но уж так все повернулось, не пришлось выбирать. Псина была взята из какой-то деревни, но прежний ее проводник очень полюбил дворняжку, много в нее вложил, обучил очень многому, только сам погиб. И Дина – умница и прекрасная исполнительница стала работать с Климовым. Работала собака без ошибок, но вот танков Дина боялась больше всего. Кто его знает, какая судьба была у животины.

– Вперед! – пинал собаку Климов. – Я сказал «работать»!

Та, поджав хвост, на полусогнутых лапах подбегала к танку и ложилась, прижав уши и вжав голову в землю.

– Гад ты, Климов! – шипел Прутков. – Совсем собаку забил.

– Хочешь – могу вас местами поменять, – рявкнул Климов. – Умник выискался! Еще молоко на губах, а туда же...

Варшов свою собаку готовил спокойно, не спеша. Его Одер всегда работал четко, без сбоев.

– Ты, друг мой, не слишком торопись, – как человеку пояснял задачу собаке ветеринар. – Старайся, чтобы тебя не заметили...

А вот у Ясенцева Гриф все команды выполнял, как очередную интересную игру.

– Давай! – азартно приседал перед ним парень. – Работай! Быстрее! Ну, молодец!! Хороший пацан!! Вот, как надо работать, точно?! Молодец, Гриф.

Но как долго не продолжались занятия, пришло время возвращаться домой.

Возвращались уже темной ночью, шли осторожно. Девять человек неслышно ступали на листья и корни деревьев, прятались за густыми зарослями леса – прифронтовая зона.

Тенями двигались проводники со своими четвероногими бойцами. Только у Бабулько с Ваню опять что-то не получалось. Собака постоянно нервничала, оборачивалась и совсем не слушалась проводника.

– Да что с тобой, окаанный? – прошипел Бабулько, стараясь, чтобы никто не услышал, что с собакой он сегодня не может совладать. – Куда ты тянешь-то?! А, черт! Руку поранил из-за тебя! Сейчас я...

Тут Ваню почувствовал слабинку в поводке, рванул покрепче и мигом понесся в кусты.

– Ванька!! – громким шепотом закричал Бабулько, но тут же осекся.

С той стороны, куда рванул Ваню, слышались немецкие крики, вопли, выстрелы.

– Ванька!! – забыв про всю осторожность кинулся Бабулько вслед за собакой.

Где-то раздалась пулеметная очередь. Уже не только Бабулько, но и все бойцы кинулись на шум. Собак отпустили, те мгновенно растворились в темных зарослях.

Добежали быстро. Из-за ночной темноты сначала ничего не было видно. И только после того, как сержант включил фонарик, можно было разглядеть три немца. Один был мертв – с разорванным горлом. Другой был застрелен, наверняка, сам Бабулько его и застрелил. А на третьем, не шевелясь, лежал Ванька. Даже в темноте были видны темные пятна на шкуре.

– Ванька, ты только потерпи, – подполз к собаке Бабулько. У парня были перебиты ноги, он не мог подняться. – Слышь, Ванька, отпуская этого фрица, все, отпуская... Отпуская его... Ванька, Вань, гляди, чего дам...

– Коль... Коля, ему уже ничего не надо, – покачал головой Варшов, растеряно глядя собаку по окровавленной шерсти.

– Не просто так погиб Ванька, – осторожно перевернул собаку Сенин. – Двух фрицев с собой забрал. Слышь, Коль, герой Ванька, герой.

– Трех, – швыркнул носом Бабулько. – Этого, третьего – тоже он. Он ему ноги разорвал. А я уж потом... Это он его и... не успел я... Вань, не успел я...

Прутков отошел подальше, чтобы матерые бойцы, не видели, как он плачет. По-мальчишески, горько, вздохнул. Ну что делать, если он так любит этих четвероногих. Ну и... да! Он еще зеленый. Молодой. Ну, так ведь он же не прячется! Не трусит! Он просто... ну...

– Иди ко мне, Стал, – уткнулся Прутков в шерсть собаки, и худенькие плечи парня еще больше задрожали под гимнастеркой.

Сержант Сенин сломал ветки и забросал труп собаки.

– Товарищ сержант! – постарался подняться Бабулько. – Я Ваньку здесь не оставлю! Я его...

– Отставить! – рыкнул Сенин. – Не спроста эта троица здесь была. Уходить надо. Варшов, как Бабулько?

– Да хреново, надо сказать, – почесал голову Варшов. – Обе ноги перебиты. Специально по ногам били, гады. Не знаю, насколько серьезно, но сам точно не дойдет.

Ясенцев и Кудяхин молча подошли к другу и подняли его на руки.

– Погодите, ребята... – никак не мог бросить собаку парень. – А Ваньку моего... никак нельзя?

– Коль, – отвел глаза сержант. – Ему сейчас ничего не надо. Ничего. А вот потом, когда гадов фашистских разобьем, мы потом им такой памятник забабахаем! ... Всем. И Ваньке твоему, и моем у Бурану... Я тебе обещаю, Коль... давайте, ребята, уходить надо.

Кудахин и Ясенцев понесли Бабулько, а Прутков взял их собак на поводок – мало ли, кого по этим лесам носит, пусть собаки рядом будут. И Стал Пруткова, и Гриф, и Валет послушно шагали рядом, только изредка оглядываясь назад – на своих проводников, да еще на пушистого сотоварища, который так и остался лежать, закиданный ветками.

Уже через час в деревенской избе, в которой расположилось отделение, за столом сидели бойцы и вспоминали неожиданную встречу.

– Как думаешь, Варшов, довезут Бабулько-то? – беспокойно спрашивал Данилов у Варшова. – Не слишком он много крови потерял?

– Не слишком, мы быстро подроспели, – пил чай ветеринар. – Да и ребятам его вовремя передали – уже к утру будет у настоящих врачей.

– Вот что ни говори, а Бабулько счастливчик, – фыркнул Климов. – Это ж надо – ночь на дворе, а тут тебе ребятам в тыл приспичило, и тебе телега, и сопровождающие, и на больничную койку сразу!

– Позавидовал, – горько усмехнулся Ясенцев.

– Да и какая больничная койка?! – взвился Прутков. – Просто ребята из танкового отделения в Мартыновку передвигались, вот и подобрали по пути.

– Да ладно, чего напустились? – пожал плечом Климов. – Я без злобы. Микола нормальный мужик, не трус.

– Да и Ванька его нормальный был, – тут же добавил Прутков. – Тоже не трус! И пусть ему там... нормально будет...

И парень захлестнул рюмку водки, как глубоко бывалый вояка. Данилов только покачал головой.

В большой избе, за печкой, в уголке, отгороженном занавеской, была комнатка сержанта. Места там не много, да много и не надо – только, чтобы уместился куцый столик, да железная кровать.

Сейчас на столике был небольшой огарочек свечи, а сам Сенин только что выпил спирта из алюминиевой кружки и негромко опустился на кровать. Посмотрев на небольшое пламя свечи, он достал из нагрудного кармана листок и бережно его развернул. Этот рисунок он сам нарисовал. На листке была лунная дорожка, а по ней, куда-то в небо уходила собака. Над собакой была надпись «Буран».

Сенин крякнул и достал из этого же кармана огрызок карандаша. Еще раз разгладив рисунок он принялся дорисовывать. Теперь следом за Бураном шла другая собака – большая и мохнатая. Над другой собакой была надпись «Ванька».

– Сам поставлю... обещаю, будет памятник... – прошептал Сенин, – укладываясь в постель. – Скромный такой памятник. Им орден не надо... им ничего не надо. Но мы-то, люди, должны помнить!

Глава 2

Утро началось светло, ясно и безоблачно. Бойцы сидели на здоровенных бревнах и грелись на солнышке.

Ясенцев вычесывал Грифа, когда во двор вошла молоденькая девушка, опасливо озираясь.

– Здравссьте, – обратилась девчонка прямо к нему, стеснительно теребя платок, – Мамка к вам отправила. Говорит... у нас праздник. Именины. Шибко-то не до гулянья, но... в гости приходите к нам... со своей собакой, а? Концерт покажите, ребятишек повеселите. А то радости – то у них итак... а мы уж вашим собачкам узелки с едой покладем. Уважьте.

– Чего ж не уважить? – постарался не кинуться в пляс от радости Ясенцев. – Да только не могу я один-то.

– А я вас не одного зову, – терпеливо пояснила девушка. – С собакой я вас. Что ж вы один-то кривляться будете?

– Кхм... так я и с собачкой кривляться не могу один. У нас творческая бригада, – важничал парень. – Нас только вдвоем отпускают. Можно мы вдвоем придем? Ну и с собачками, конечно.

– Так и славно! – обрадовалась девчонка. – Нас – то тоже много будет. И вы приходите, как свечереет. Во-о-о-н в ту избу. Приходите, мы ждать будем.

И девчонка довольно побежала к воротам.

Ясенцев выпрямился, поправил ремень и оглянулся – ну, кто тут еще не видел, как деревенская публика ценит его талант? Бойцы как-то подозрительно внимательно отводили взгляды. Значит, видели. Сейчас начнутся расспросы. Надо поскорее решить этот вопрос.

– Ну, что Гриф, придется отправляться на гастроли, – поглаживал парень собаку по голове.

Неподалеку сидел Кудяхин, и Ясенцев направился прямо к нему:

– Слышь, Андрюха, ты сегодня ничего воровать не намылился?

– Леха, я тебя люблю безмерно, – лениво говорил Кудяхин, сворачивая цыгарку. – Но могу и в нос дать. Или в ухо? Тебе куда больше нравится.

– Нельзя меня бить, дурень, – почесал себе нос Ясенцев. – Нельзя, я тебя сегодня вечером с собой на свидание беру. Там кормить будут. И собак просили взять, чтобы они там всякие фокусы показали. Кстати, твой Валет пусть «цыганочку» сбациает, он умеет.

– Да чего не сбациать-то? – отозвался Кудяхин. – Я и сам могу – и «цыганочку», и «полечку», и «краковяк». «Краковяк» надо? С выходом?

– А «краковяк» я спляшу, – подошел Варшов. Этот дядька слышал, как к Ясенцеву подходила девчонка, и просто побоялся, что молодые, горячие парни наломают дров. – Я даже Одера брать не буду.

– Ну во-о-о-т! Позвали меня, а тут тебе целый паровоз намылился! – возмутился Ясенцев. – А если мне с девчонкой поцеловаться захочется?

– И мне? – обернулся к Варшову Кудяхин. – Тоже захочется. Например, поцеловаться, а? Или еще чего?

– Ребята, честно предупреждаю, – вздохнул Варшов. – Со мной не захочется. Поэтому – берите лучше добровольно, а то я и травки могу подмешать. Тогда у вас только одна мечта останется – как бы до нужника добежать.

– Ты, Ясенцев, хорош, как опарыш для рыбы, – хохотал Климов. – На тебя можно любую бабу ловить. Лучше ту, у которой есть чего пожрать.

– Да ну вас, – махнул Леха рукой. – А ты, Климов... Слышь, Климов, научись на скрипке играть, а? Как Поганини! Тот, говорят, тоже урод был, но у него ж такой талант был! Может и в тебе чего отыщется...

Сержант Сенин никакой перепалки не слышал. Он рассматривал карту, когда к нему за шторку вошла худенькая белокурая девушка с коккер – спаниелем на поводке. Девушка была в гимнастерке, а сверху была плащ-палатка. Лицо у нее было очень строгим, но вот ее миловидные кудряшки, пушистым облаком окутавшие голову, совсем не вязались с тем строгим образом, который она сама себе придумала. К тому же, непослушная прядка все время падала на лицо, и девчонка ее сердито сдувала.

– Товарищ сержант! – громко отчеканила девчонка. – Рядовая Белова прибыла для дальнейшего прохождения службы!

Да еще этот пес «дамской» породы. Сенин отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Повернулся уже хмурый:

– Вольно, Белова. Где служили? Почему к нам? Что может собака?

Девушка старалась быть совсем строгой. Она так боялась, что ее не возьмут в это специальное отделение! А ведь им с Тишкой самое место именно тут. Да и сержант... вон какой злой... А глаза синие-синие... Хм... М-да, надо по всей строгости...

– Я со своей собакой Тихоном служила в разведроты, – чеканила девушка, строго глядя перед собой. – Тихон закончил специальную школу. Умеет... практически все. Особенные способности раскрыл в минно-разыскном деле.

– Мы уже сами посмотрим, какие у него способности. Идите, Белова, устраивайтесь. Собаки у нас живут в сарае, определите и свою туда же. А сами...

Девушка стояла, как изваяние, только сдувала непокорную прядь. И чем больше она ее сдувала, тем больше прядка закрывала лицо. Вон, вообще все лицо закрыла.

Сенин спрятал усмешку и произнес серьезно, насколько мог:

– Белова... Волосы убери. Иди к Варшову, пусть он тебе хоть бинт даст, что ли? Привяжи как-нибудь.

– Есть!

– И устройся...

– Мне хозяйка уже показала, где мне можно, – продолжала девушка смотреть вперед.

– Хорошо, ступайте.

Девушка не вышла, а прямо четко прошагала за цветастую занавеску. Сенин только покачал головой – надо же, кого только на войне не встретишь. И вот это тоже боец... и ее собачка прямо все умеет. Практически все! Хотя... девчонка-то не из кружевной постели сюда прибыла. В разведроты служила, вот тебе и девочка с собачкой.

Белова Таисия вышла от сержанта и сразу прошла в большую комнату, где сидели бойцы. Варшов еще не ушел «на гастроли», поэтому девушке сразу на него указали. И девчонка обратилась к нему.

После Варшова Белова подошла к хозяйке. Изба была просторной. Первая комната была большая и в ней расположились бойцы, а во второй, маленькой, проживала сама хозяйка. Сюда она девчонку и определила.

– Миленька ты моя, чего с тобой приключилось-то? – заохала хозяйка, крупная женщина.

– Ничего страшного, – махнула рукой Белова. – Так надо.

– Ну, если надо... – качала головой хозяйка. – Ить чего деиться, совсем дитев на войну-то берут. Тебе б в куклы играца, а ты с мужиками, да по войнам... Давай ко мне в комнату, не дело это молоденькой девчухе с мужуками-то... давай сюда. И собачонку свою вот сюда клади. Под стол. Она у тебя не кусается?

– Нет, она вас не укусит, – улыбнулась Тая, стягивая с себя рюкзак.

– Погоди-ка, я тебе сейчас принесу чего... – вспомнила хозяйка и проворно выскочила за дверь.

Тая не успела еще оглядеться, как следует, а хозяйка уже прибежала обратно.

– Гляди-ка чего, – кивнула она на небольшой кусочек мяса. – Мясо вот. У меня в погребе стояло. До случая берегла, вот и сгодился.

От мяса явно исходил недобрый аромат.

– Ну – ка, дай понюхаю, – хозяйка сунула нос в кусок, поморщилась, но махнула рукой. – Да чего ему сделается-то? Ешь давай, сейчас хлеба принесу.

– Спасибо, не голодная я – решила вежливо отказаться Тая. Но заметив, что обидела хозяйку, исправилась. – Но мясо съем. Давно я мяса не ела. Спасибо вам.

А в это время к Сенину аккуратно вошел Варшов.

– Товарищ Сенин, вы вот мне скажите...

– Что случилось?

– Так вам виднее. Я только не пойму, зачем вы мне приказали бинты на девчонку потратить. У нас бинтов-то и так хрен да ни хрена. А тут обычную голову перевязать...

Сенин ничего не понял и решил посмотреть воочию – что случилось.

Когда он вошел в маленькую комнату, где обосновалась Белова, то увидел интересную картину – девушка стояла к нему спиной, а вся ее голова была перевязана бинтом. Да это как же она собирается воевать, если такое простое задание... даже не задание, а просто совет, и то не могла понять! Кого только не присылают!

– Белова!

– А... – испуганно повернулась девушка и... мужчины онемели.

На гимнастерке хрупкой девчонки красовался орден Красной Звезды и две медали. Воевать-то девочка умела.

– Я... – начала было говорить Сенин, но заметив, как Белова вытянулась струной, выдохнул и просто махнул рукой. – Устраивайтесь...и... это... голову-то размотайте. Чего ж вы – так и будете все время с перевязанной головой воевать?

Варшов быстро подскочил к девчонке:

– Я сам! Я помогу... А как вас зовут, милая девушка?

– Меня зовут Таей. Тая.

– А...орден откуда? – не выдержал Сенин.

– А это не мой, – улыбнулась девчонка. И оказалось, что у нее такие милые ямочки на щеках. – Это не мой, это Тишкин. Это он разминировал поле. Один. Под обстрелами. Перед самым нашим наступлением, вот и...

– Как это один? – не понял Сенин. – А ты?

– Я тоже была, но... работал же он.

– Ясно... Пойдем, Варшов, тебе на концерт надо, Ясенцев с кудахитным уже удрали. А ты... Устраивайся, боец.

Тая посмотрела на Сенина – и ничего он не страшный и не злой. И глаза у него такие... с огоньками.

Вечером вежливость с хозяйским мясом дала о себе знать. Тая не могла оторвать голову от подушки – так ей было плохо. Ее полоскало, в глазах плыли красные круги, а во всем теле ощущалась небывалая слабость. И самое паршивое, что случилось-то все в самый первый день. Так обидно.

А за стеной к звукам прислушивались бойцы, и каждый по-своему смотрел на ситуацию.

– Твою ж мать, – ворчал Климов. – Боец! Не успела приехать, и сразу в кровать!

– Она вообще не должна была приезжать, – недобро глянул на него Данилов. – Ей бы за парту, а не на войну!.. Лисин! Спирт есть у тебя?

– Да я и не помню... – осторожно отозвался Лисин. – А ты для девчонки, штоль? Ага! Вот тока для ее и хранил!

Данилов не слишком ждал щедрых порывов от скупердя Лисина, поэтому сам полез к нему в вещмешок за спиртом.

– Не жмись, паук старый!

– Чего это я еще и паук, – отобрал Лисин свой мешок и сам достал фляжку. – На, забирай... добренький такой... за мой счет.

Данилов взял фляжку и тут же вошел в комнату к Беловой. Сейчас девчонка лежала в кровати в большой белой рубаше, которую выделила хозяйка со своего плеча. В это чистой, белой рубашке худенькая Тая была похожа на цыпленка.

– На-ка, девонька, выпей, – протянул он ей фляжку.

– Не пью я, – поморщилась девчонка. – Еще хуже будет. Меня уже лечили... когда мы всех ребят потеряли. Знаете, как развезло!

– Тебя тогда душевно лечили, не сравнивай. На войне-то была?

– Говорю же – лечилась уже, когда всех потеряли из разведроты, – присела на кровати Тая.

– Вон как... разведрота, – серьезно покачал головой Данилов. – А тогда чего ж? Пей, говорю! Спи давай, только из комнаты не выходи. Все будет хорошо.

Данилов вышел и тут же отправился к Сенину.

– Товарищ сержант, девчонка-то новенькая... траванулась она. Я ее спиртом напоил.

– Эххх... – выдохнул Сенин. – Еще и траванулась...

– Да мы ее быстро на ноги-то поставим. А девчонка-то... в разведроте была.

– Ну да, – согласился сержант. – Ты б ее награды видел! Вылечим. Ты пригляди за ней.

Поздно вечером Данилов осторожно вошел в сарай. В дальнем углу, среди остатков сена сидела новенькая девчонка, обнимала свою собаку и плакала:

– Тиш, ты не переживай. Сейчас все спать лягут, и я тебя заберу, – все – таки развезло девчонку. – Ты, Тишка, даже не ду...

– Еще чего, – возмутился Данилов. – Ты чего собаку балуешь? С собой она его возьмет! Чай не дите тебе!

– Это вам не дите! А мне дите! – вытерла мокрые глаза девчонка – Мне Тишку папа подарил! Я... я целый год училась без четверок, на одни пятерки. Вот пап и подарил. А мы с Тишкой в ДОСААФ сразу пошли. Я хотела в цирке с Тишкой выступать. А мама... мама не хотела. Она хотела, чтобы я стала инженером. Она почему-то очень стеснялась, чтобы я перед всеми на арене... почти раздетая...

При воспоминании о родных лицо Беловой стало совсем детское, будто бы ей было лет двенадцать.

– А через год, – продолжала девчонка, глядя собаку, – Через год я девять классов закончила. А тут война. Папа ждал, когда повестка придет, а сам нас к своей сестре отправил, к тете Оле. Мы на вокзале стояли... Папа все Мишеньку с рук не спускал... Это братик мой, ему было два годика... А мама почему-то все улыбалась и вытирала лоб. Почему-то лоб... Плatchком маленьким. А Тишка... он почему-то заюлил, закружился... папа сказал, чтобы я его вывела перед поездом в кусты, подальше... время-то еще позволяло. Мы отошли... а потом... потом как-то быстро налетели... взрывы кругом. На том месте, где папа с Мишенькой стояли... и мама... там ... Я нашла только кепочку Мишеньки... нас не пускали... потом какие-то люди бегали, разгребали... А мы потом и решили с Тишкой, и пошли...

Данилов неловко притянул девчонку к себе. Гладил огрубевшей ладонью светлые пушистые волосы и горько шептал:

– Сразу после девятого класса... это скоко ж тебе, милая, лет-то? Шешнаццать поди-ка...

– Но я сказала, что мне больше, – подняла глаза к Данилову и как самую страшную тайну сообщила Тая.

– Так и надо было, значит, – успокоил, как мог, мужчина. – А теперь... вырвись, да и отпусти. Отпусти.

– Не отпущу... пока до Берлина не дойдем, – прошептала девчонка.

– Ээх, до Берлина... Тебя бы, да Валерку нашего, Пруткова, за парты бы... до Берлина...

Поздно вечером Ясенцев, Кудахин и Варшов возвращались с именин, стараясь не слишком шуметь.

– Нет, ну Гриф-то каков! – что-то весело обсуждали гулены. – Главное – сел перед мальчонкой и давай ему лапой в колени тыкать. А тот и давай ему корки-то таскать. А ты еще...

– Климов! Митрий! – весело хихикнул в кулачок Листин. – Скажи-ка Лехе-то... расскажи, что пока он там за бабами бегал, к нам тут своя нарисовалась. Краса-а-а-вишна! Молодуха!

– Цыть! – рывкнул Данилов, не давая Климову даже рта раскрыть. – Какая тебе молодуха? Такой же боец, как ты! А может, и получше еще!

– А чего не сказать, – фыркнул Климов. – Прибыла. Молодуха. Правда, в пазухе пусто, ну да нагуляет на военных-то харчах.

– И не совестно вам, ээх, – плюнул Данилов. – Шешнадцать ей! Всего-то шешнадцать! Лисин! У тебя ж сын старше!

– Так-так-так... нет, вы погодите... а про какую девчонку вы тут? А нам Варшов чего-то начал говорить, а я думал врет! – сразу же насторожился Ясенцев. – Чего – к нам правда девчонку прислали?

– Леш, ну ты-то куда? – дернул друга за руку Прутков. – Там, правда, хорошая такая девчонка. Только она отравилась чем-то. Нехорошо ей, всю скрючило. И собака у нее, знаешь, какая? Спаниель. Она с ней из дома воюет.

– Погоди-ка... отравилась, говоришь? – насторожился Варшов. – Я ж уходил, все ж нормально было!

– Васильич, да я ей спирту дал, немного отлегло, – пояснил Данилов. – Ты к ней не ходил бы сейчас – мы с девчонкой – то поговорили, она всех своих вспомнила – у нее всю семью в бомбежку положило.

– А мы к ней и не пойдем, – усмехнулся Варшов. Вероятно, уже что-то сообразил.

– Как это, то есть, не пойдем! – возмутился Ясенцев. – Как это не навестить боевого товарища?! Она в этой комнате, да? Вы пока туда минут двадцать никого не пускайте, идет?

Леха подтянулся, браво поправил ремень, запустил пятерню в кудри и, как ему казалось, с обворожительной улыбкой вошел в комнату.

Вылетел он оттуда сразу же. Не через минуту или две, а моментально. По всей гимнастерке стекала вода, а где-то даже задержалась пара ромашек.

– Кувшином? – с пониманием спросил Кудахин.

– Ну да, – согласился Ясенцев. – С цветами.

Бойцы вокруг не просто смеялись, а гоготали жеребцами. Ясенцев сначала попытался стряхнуть с гимнастерки воду, но потом плюнул и рассмеялся вместе со всеми.

– Ну из тебя ухажер, – хохотал Варшов.

– Да какой ухажер! – отбивался Леха. – Я ж помочь!

– А помогать по-другому надо... Одер, ко мне!

Варшов подозвал собаку, привязал к псу сумочку с крестом – он туда уже успел сложить нужное лекарство, и обломком карандаша написал «надо выпить».

– Одер, иди туда, – показывал он псу на дверь. – Отнеси. Тая. Там Тая.

Данилов тихонько вздохнул. Варшов всегда обучал своего Одера, кого из бойцов как зовут. И это было не просто развлечение. В бою собака переносила медпакеты тем, кому

говорил Варшов. И порой Одер добирался даже туда, куда ни один человек не мог проникнуть. А уж про скорость и говорить не приходится. Кстати, насмотревшись на Варшова распознавать друзей – бойцов стали учить своих собак и Лешка Ясенцев, и Прутков Валерка. А вот сам Данилов – он не стал обучать своего Фомича. Черт его знает почему – наверное, решил не играть с судьбой. Не научил, вроде бы, и не пригодится.

В это время в комнате Таи по полу осторожно ступал пес.

– Ого... привет, – улыбнулась ему девчонка. – Какой ко мне кавалер... Тишка, Тиш, посмотри, к нам боевой товарищ! Ты познакомиться пришел?

Одер подошел ближе и уселся прямо перед кроватью. Тишка вышел из-под стола, собаки обнюхались, но больше интереса друг к другу не проявляли. Тая потрепала собаку по голове, но тот упрямо подставлял бок – там висела сумка с крестом.

– Да ты доктор! – усмехнулась Тая, доставая из сумки лекарство. – Спасибо. Обязательно заварю. Сейчас хозяйка придет, попрошу ее чай вскипятить. Спасибо, мой хороший.

Тая положила руку на голову пса, а тот уложил голову на постель и не шевелился. Тишка, видя такой расклад, осторожно прыгнул на кровать и улегся в ноги хозяйки.

– Тиш, ты тут не ревнуй. У него свой хозяин есть. И... вообще, с этой собачкой дружить надо, он – видишь, медбрат у нас, – тепло говорила Тая, поглаживая пса.

За дверью снова обсмеивали Ясенцева.

– Ну что, Леха, – хохотал Климов. – Хреновенький из тебя кобелек. Вон Одер зашел и уже полчаса его нет. А ты пулей вылетел.

– Ну, хоть пуля из меня хорошая, – не обижался парень.

– Да уж, я б сказал, – перекинулся в усмешке Климов. – Но промолчу.

– Точно, промолчи, ты тогда умнее кажешься, – не выдержал Кудяхин.

Утро следующего дня не радовало солнцем. Было тепло, но как-то хмуро.

– Данилов, зайди, – высунулся из-за своей шторы сержант Сенин.

– Так нет его, – ответил за друга Варшов. – По воду он пошел, товарищ сержант.

– Ладно, на дороге его перехвачу, – решил Сенин и вышел, закрыв двери.

Во дворе сидели бойцы – кто крутил самокрутку, кто плюхался под рукомойником, кто подшивал воротничок – обычное утро. Сенин вздохнул и вышел.

На дороге прямо перед ним шла Белова. Не в гимнастерке шла, а в обычном светленьком платице, с косой, перевязанной красной лентой. Да что ж ты будешь делать – боец называется!

Вдруг на дорогу вышел небольшой мальчуган, лет двух. Парнишка запутался в лямках от помочей и заплакал. Может, и еще какое горе у мальчонки было, потому что плакал он как-то слишком горько, старательно вытирая слезы.

Кошкой рванулась к нему Белова, присела на корточки, прижала к себе. Мальчонка заметил ленточку, потянулся ручонками, девушка тут же сорвала с себя ленту и отдала ребенку. Золотистые волосы рассыпались по плечам, а над головой тут же возникло легкое облачко.

– Братишку у нее убило... такого же возраста. Вот и переживает девка, – слышался за спиной Сенина голос Данилова.

Тая обернулась.

– Это малыш вон из того дома, – подошел к ней Сенин. – Давай отнесу.

Тая неохотно оторвала от себя детские ручки. Сенин старался не смотреть на девушку. И чем больше старался, тем хуже получалось. Да и она тоже глаза отводила. Вот зачем?! Он обычный сержант, она его подчиненная... обычная. Ч-черт...

– Дяденька, давайте мне Ваньку, – подбежала к Сенину девчушка лет десяти. – Он опять удрал, а меня потом мамка из-за него за косы тягает... Во! Уже и ленточку где-то нашел! Вань, где взял ленточку? Говори давай!

– Не ругай его... пусть берет, – махнула рукой Тая и побежала к своему дому, пряча глаза.

– Это Ваньке? Ему-то на что? – удивилась девчушка.

– Себе заberi, – улыбнулся Сенин. – В косы заплетешь.

Девчушка потащила брата домой, радостно щебеча что-то про ленточку.

Данилов тоже направился было к дому, но Сенин его остановил.

– Фомич, я искал тебя...

Данилов поставил ведра и превратился в слух.

– Бабулько-то наш на фрицев нарвался – не спроста это. Вчера я с ним донесение отправил, а сегодня узнал, что расположение штаба изменилось. Если через речку переплыть, то недалеко совсем. Сам знаешь – был бы жив Буран, он бы...

– Да понял я, не переживай, – успокоил Данилов. – Мой Кузьмич справится. Он, хоть и дворняжка, но я за него, как за себя ручаюсь. Справится.

– Да вот и не знаю... река здесь широченная, течение сильное, а значит и вода холодная.

– А я тебе говорю – Кузьмич не подведет!

– Потому к тебе и обратился, – улыбнулся Сенин. – Как стемнеет, так и пойдем. В это время, на том берегу его ребята ждать будут. Ему надо только переплыть и пакет отдать. А сейчас иди, расскажи ему задачу.

Вечером, когда синева опустилась над рекой, возле берега уже стояли Данилов с собакой и Сенин.

Все уже было готово, только Данилов чего-то тянул: то ошейник поправит – там был прикреплен пакет, то погладит пса по спине, то зачем-то осмотрит лапы. Сенин не торопил. Но Данилов и сам все понимал.

– Ладно, парень, давай, не подведи меня, – хлопнул собаку по крупу Данилов. – Давай, Кузьмич, отдашь пакет и обратно. Я тут тебя ждать буду. Сухарь вот в руке – тебя ждет. Давай, Кузьмич, не подведи, родной. Вперед! Пакет! Пакет! Кузьмич, пакет!

Данилов дал команду и отпустил пса. Тот некоторое время побегал вдоль берега, попытался войти в реку и... и понесся совсем не туда.

– Это... Данилов!! Какого черта?!! – взревел Сенин. – Куда его несет?! Там немцы!! Его ж не там ждут!

– Да погоди ты... – махнул рукой на командира Данилов. Сейчас он глаз не спускал со своего пса.

– Данилов, мать твою!!! Да я тебя под трибунал!! С-сука!! Данилов!!

Собака бегала по берегу, потом нашла удобное место и бросилась в ледяную воду.

– Сенин!! Холера!! – взорвался Данилов. – Работает собака! А ты со своим трибуналом!!

– Ладно, не шуми отец, – тряхнул головой Сенин. – Кузьмич, родненький, давай... Очень надо.

Неизвестно, сколько Данилов сидел на берегу. Вдруг вдалеке показалась небольшая черная точка. Данилов встал. Глаза были уже не те, но разве он мог не узнать того, кого всю ночь ждал!

– Ну что? Нет еще Кузьмича? – подошел сзади Сенин.

– Да как нет-то? – старательно прятал глаза мужчина. – Вон плывет. Сносит его, правда, зараза... Легкий он у меня. Еды б ему побольше...

– Я вас с Кузьмичем к ордену представляю... – тихо произнес Сенин.

– Орден? Да не нужен Кузьмичу орден-то, – вздохнул Данилов. – А мне... Я-то ить в холодну-то воду не лазил.

– Тогда придется кость добыть... и псу вместо медали.

Но Данилов обещания уже не слышал – на берег вышел пес. Кузьмич отряхнулся и нетвердой походкой направился к проводнику – заплыв дался собаке совсем не легко.

– Молодец ты у меня, Кузьмич, – наглаживал собаку Данилов. – На-ка вот сухарь, на... Не хочешь? Ну потом съешь, потом съешь.

Сенин тоже потрепал собаку по голове и шее, и тут же вытащил записку из ошейника. Донесение дошло.

– За мной кость, Кузьмич, – улыбался Сенин. – Прямо сразу, как только получится...

Данилов пристегнул поводок за ошейник и неторопливо потрусил с собакой к избе. Сенин шел за ними и слушал, как старик общается со своим другом:

– Давай-ка, потихоньку пробежимся, тебе сейчас согреться надо. А дома я тебе целую миску приготовил. У нас сегодня каша с потрохами была, так ты ж знаешь, не люблю я эти потроха. Так что тебе там целая миска...

Утро опять началось с тренировок. Сегодня надо было учить собак новой премудрости. Собака должна была подбежать к рельсам, стряхнуть в нужное место взрывчатку и быстро убежать. Сначала даже и подумать не могли, что собака такое сумеет. На удивление, новенькая – Белова, показала, как это делает ее Тишка. Собака работала четко, быстро, без малейшей задержки.

– Ничего себе-е-е, – искренне восторгался Прутков. – Мой Стал, наверное, никогда так не научится.

– Знаешь, как у него быстро получится! – убеждала Тая. – Ты даже сам еще понять не успеешь, а он уже делать научится. Давай, я тебе покажу как.

– Дина! Мать твою! Какая команда была?! – со злобой учил свою собаку Климов.

– Погодите, – подбежала к нему девчонка. И вдруг заговорила на чистом непонятном языке. А потом снова перешла на русский. – Ну? Чего ж вы не делаете?

– Так ты вообще черт пойми что говоришь, как я сделаю-то? – выходил из себя Климов.

– Так и собака! Она не понимает, что вы от нее хотите. А вы еще и кричите, – с укором смотрела на него девушка. – Давайте я ей покажу...

Девчонка сначала долгое время старалась успокоить Дину, потом садилась возле нее, гладила по спине.

Кудяхин смотрел на Белову и не выдержал:

– Вот никак я вас понять не могу, девушка. И чего вы все вокруг Климова вьетесь? Мой Валет, например, абсолютно тупая собака, ничего не понимает! Валет, скажи, да? Нам с ним очень ваша помощь нужна.

– Да видно, как вы своего Валета любите, вы с ним даже общаетесь, как с человеком, – не ответила на шутку Тая. – А у Климова Дина работать боится. Она на него смотреть даже боится – взгляда не выдерживает. Климов, вы ее бьете, что ли? Почему у собаки хвост все время поджат?

– Ой, а у нашего Валета как поджат! – не успокаивался Кудяхин. – Смотрите, Таечка... Валет, подожми хвост... Хвост, говорю, спрячь, чего ты им, как метелкой машешь?... Таечка, а у нас другая беда! Беда, говорю! Надо Валета научить взрывчатку бросать, а то он, паскудник, привык все в дом тащить. Он и сам не бросит, и за другими подберет, точно вам говорю. Вы ж только представьте, что этот негодник домой приволокет!

Но Тая на него не смотрела. В очередной раз Дина испуганно легла и не выполнила задания от страха. И Климов от всей души принялся собаку пинать.

Девчонка, как увидела, кинулась к проводнику и повисла ку него на руке:

– Ты что творишь?! – кричала она. – Ты ее забил совсем!

– Да уйти ты!! – стряхнул со своей руки Белову Климов и накинудся уже на девчонку. – Хватит!! Учить она меня тут будет! Это тебе война! Некогда сопли распускать!

– Так и я тебе говорю, что война! – не струсил Белова и снова пыталась оттащить разъяренного мужика от собаки. – Она у тебя на задание не пойдет, ты понимаешь?!

– Да пошла ты! – резко дернул рукой Климов так, что Тая отлетела и здорово шлепнулась о землю.

– Климов!! Ты совсем охренел?! – подлетел к нему Ясенцев.

Следом за другом неся и Прутков:

– Тварь ты, Климов! Слышишь?! Тварюга!..Тай, давай руку, поднимайся...

– Пррррекrrrrратить!!! – подбежал Сенин. – Что у вас тут за разборки? Немцев не хватает? Решили сами себе глотки перегрызть?! Отставить грызню!!

– Правильно моряки говорят, – ворчливо отряхивается Климов. – Баба на корабле к беде. Понаберут баб, и пляши тут перед ними...

Белова тихонько отошла в сторону и старалась даже на глаза Климову не попадаться. Ворчит, да и черт с ним.

Но Климов не успокаивался. А чтобы остальные не подумали, что он испугался какой-то девки или стал ее слушаться, он еще жестче стал пинать собаку. Та только привычно съежилась и на полусогнутых лапах ползла за своим проводником.

– Слышь, Клим, – тихо подошел Ясенцев и встал как-то слишком близко. – Еще раз Динку пнешь, получишь в репу. Я не шучу. И больше предупреждать не буду.

– А чего ждаты-то? – криво усмехнулся Климов. – Я уже пнул. Давай в репу-то. Или трусишь? Трусло!

– Ошалел?! – взвился Ясенцев. – Это я трусло?!!

– А ты громче ори, – фыркнул Климов. – Чтобы сержант на помощь прибежал. Ну? Чего ты?

Ясенцев плюнул под самые ноги Климова, презрительно фыркнул и пошел.

К Климову тут же подошел сержант:

– Климов, расскажи, а чего ты к нам пошел воевать? Ведь ты собак ненавидишь.

– Да какая разница – куда идти. Главное, воевать, – пожал плечом тот и вдруг взвился. – Слышь, сержант, а я что – плохо воюю? Или, может быть, у вас никто собак не бьет? Ты на Данилова глянь – бьет своего Кузьмича, как грушу! Или Кудяхин! Листин тоже. Даже Варшов Одера... Нет, Варшов Одера не бьет... ну так он его раньше бил, значит! Сейчас – то пес уже все понимает!

– Ты чего на других киваешь? Данилова приплел. Да Данилов своей дворняге последние свои крохи отдает. Сам не съест, ему отдаст. И Кудяхин! Да, Валет получает, когда не слушается. А сколько Кудяхин играет с ним, бегают, носится, они ж друзья! Листин – да, есть такое. Но он по делу. А так жалеет собаку. А для тебя собака, как враг какой-то.

– Ладно, сержант. Ты мне в душу не лезь, сам сюда не просился, так получилось.

– Значит так, – махнул рукой Сенин. – Ты, Климов, Дину не тронь. К нам на днях рота Радченко прибывает, я тебя к ним определю. Пехотинцем будешь. А Дину я себе возьму. Хорошая псина, а тебе нельзя с ней – погубишь.

– Определяй... если уж совсем невтерпеж, – поджал губы Климов.

– Невтерпеж. Переведу, – кивнул Сенин и быстро пошел по делам.

Ночью Климов не мог уснуть. Сержант, мать его, разбередил душу...

Вспомнил, как жил перед войной. И ведь все у Климова так хорошо складывалось. И работа любимая, и квартира, и жена красавица... А потом война. Но... тут даже не война виновата... как оказалось.

Помнится, вызвал его директор завода:

– Дмитрий Михалыч, даже не предлагаю садиться. – с порога начал он. – Давай сейчас домой, собирайся, отправлю тебя в Сибирь, нас туда эвакуируют, ты там нас встречать будешь.

– Я... не могу я, Аркадий Ильич, – совсем не обрадовался Климов. – Я письмо направил, с просьбой, чтобы с меня бронь сняли. На войну мне надо. Должно письмо прийти. А здесь пусть мой зам – Топилин Боря. Он умница и красавец, да к тому же, давно меня замещает. Он справится.

– Знаешь, дорогой друг, я тоже письмо отправил, – нервно заявил директор. – Прочитать тебе ответ?

– Вы? Да...

– Все! Иди и собирайся. Прямо сейчас, все. Разговор окончен.

Климов вышел из кабинета. Если уж и сам директор на войну рвался, да его не отпустили, то он сейчас точно Климова не отпустит.

Дома звучала приятная музыка, и слышался залиvistый смех жены Валентины.

Они даже не заметили, что он пришел. Все до тошноты банально – муж пришел, а дома жена с любовником...

– Топилин? Боря? – больше всего Климова удивило, что Борис замещал его и в кровати собственной жены.

– Дима? – сначала, вроде бы, испугалась Валентина, но потом только фыркнула и не стыдясь, поднялась из кровати и перед двумя мужчинами стала одеваться. – В подобных ситуациях говорят: «ты все не так понял». Но ты все понял правильно.

– У Топилина хорошая квартира, тебе хватит места, – старался не смотреть на жену Климов. – Мои ключи оставь у соседей.

И он вышел. Он сразу отправился в военкомат. Там некоторое время думали, куда его направить, пока один мужик с перебинтованной рукой не произнес:

– Василий, отправляй его к проводникам с собаками.

– Я... я вообще не умею с собаками, – испугался Климов. – Да у меня и собаки-то никакой нет.

– У минеров был парень с собакой. Парня вчера похоронили, собака осталась. Обучена. Направим к кинологам, они обучат, подскажут. Они прямо сегодня отъезжают. Или чего – еще выбирать будешь?

Климов представил, как он вернется в пустую квартиру, как ему будет звонить директор и упрасивать остаться, а ему так надо было уйти прямо сейчас, сию же минуту.

– Давайте вашу собаку.

Вот так он здесь и оказался. Да и разве обязательно любить этих собак? А бить... как не бить-то, если она ни фига не понимает? И все нормально было, пока эту Белову черт не принес... А теперь вот переведут. А они ведь уже и с мужиками сработались. Да, были кое-какие трения, но это так – мелочи. В целом, хорошие мужики, нормальные. Не трусы, и подлецов нет. Вот кругом эти бабы виноваты!

Климов и не помнил, как уснул. Кажется, только прикрыл глаза, а тут уже его за плечо кто-то дергает и орет в самое ухо:

– Климов, мать вашу!! Ясенцев!! Какой идиот это сделал?!

Орал, конечно же, сержант. Он подбегал то к Ясенцеву, то к Климову и изо всех сил тряс парней, пытаясь разбудить.

– Тише ты, сержант... – бурчал Климов. – Сейчас душу вытряхнешь.

– Откуда она у тебя – душа-то? – весело фыркал Леха Ясенцев, старательно пряча глаза от сержанта.

– У кого еще там детство в заднице играет?! – не мог успокоиться Сенин. – Что это, я вас спрашиваю?!! Ясенцев – это ты, гад такой?! Климов?! Или ты?!

Данилов, изо всех сил стараясь показаться дико суровым, протянул Климову бинокль и кивнул в окно.

В бинокль было отчетливо видно, как на одном из немецких блиндажей развивается белый флаг, на котором русскими буквами было выведено: «Клим, надери нам жопу!».

Климов только протяжно вздохнул. Затем подошел к Ясенцеву, взял его за пуговицу и нежно произнес:

– Ты не трус, Ясенцев, нет. Ты debil. Ага...

– Да пошел ты! – резко одергивает его руку тот. – Громче ори, чтоб сержант прибежал.

– Да я вам!! – тут же подскочил сержант. – Я вам обоим...

– Това-а-а-рищ сержант! Я-то тут вообще... рядом проходил, – пожал плечами Климов. – И по-о-о-олностью с вами согласен – детство, знаете ли...

Понимая, что наказания парням не избежать, быстро подошла хозяйка, взяла бинокль, некоторое время смотрела, а потом обернулась к сержанту:

– Ты не кричи, сердешный... Ты вот скажи – откуда твой герой такой флажок взял? Я вон отседова цветочки моей простыни разглядела. Мою простынь разорвал, ирод?

Сержанту ничего не надо было делать – наказание само неизбежно приближалось к Ясенцеву.

– Беги, Леха, – подтолкнул парня к выходу Данилов.

Ясенцев выскочил, но далеко удрать не успел – уже в сенях его настигла рука правосудия:

– Думаешь, не знаю, ради кого петушком-то скачешь? – пытела рядом с парнем пышная хозяйка. – Ради Тайки, поди, а? Да только не оценит она – молода еще. А вот я...

Ясенцев влип в стену:

– Не-не-не, и не подходите! – замахал он обеими руками. – Не могу я! Я... я все понимаю – девушка вы страстная... и ни разу еще не старая, не... Красивая даже. Но...

– О, сколь наговорил-то... а чего ж робеешь? – совсем близко дышала женщина.

– Да не могу я! – выскочил из угла парень и метнулся к двери. – Друг у меня...этот... Во! Кудяхин! Ага – он. Так он давно меня предупреждал. Говорит: «Ежели на нашу хозяйку глаз положишь, пристрелю». И пристрелит, паразит. Я его знаю. Он жуть до чего страстный!

У хозяйки невольно округлились глаза.

– А кто это Кудяхин? Старенький такой? Седенький?

– Да ну какой же старенький? – обиделся за друга Ясенцев. – Андрюха у нас молодой, ретивый такой. Пес у него еще – Валет, все кур таска... М-м-м, сообразительный такой пес, сердечный. Андрюха на цыгана похож. Правда, по-настоящему он грек. Ага. Цыганистый такой...

Хозяйка поправила косу на голове, отряхнулась и поспешила в дом. Вместо нее вышел Сенин.

– Давай, Ясенцев, посиди-ка в бане, – кивнул он парню на двери.

– Това-а-арищ сержант, ну ничего ж не случилось.

– В это раз – да, но тебя, если не накажешь, ты еще невесть чего напридумываешь. А тут тебе не игрушки. Давай в баню. Пойдем, я тебя закрою.

Ясенцев только свистнул Грифа. Будет время собаку в порядок привести.

– Гриф! Пошли со мной. Вот ты представь только – стараешься – стараешься, поднимаешь самооценку нашего отделения, а тебя...Гриф! Ты меня слушаешь? Кому я говорю?!

На следующий же вечер все бойцы смогли оценить результат хозяйской любви – Кудяхин вошел в комнату, вытащил из-за пазухи бутылку самогона и брякнул на стол шмат сала.

– Да твою ж в кочерыжку! – не выдержал Данилов. – Ты чего такое сотворил, что тебе баба таким шматком угостила. Да еще и бутылку самогона в придачу подарила?

– Ну... – пожал плечами Кудяхин. – Она дала только сало. А самогон... он там просто так стоял... Одиноко прямо так...

– Где там-то? – хихикнул Листьев.

– Да неважно, – махнул рукой Климов. – Тебе все равно не пригодится. Куда тебе с Кудяхиным тягаться... Давай, Андрюха, дели провиант, коли спер.

– Да как же спер! – возмущался Кудяхин. – Честно отработал! Вот... завтра опять приглашают.

– Иди! Иди, кормилец! – хохотал Листин.

– Только Валета с собой бери, – кивнул головой Климов. – Пока вы там обниматься будете, он хоть банок из погреба натаскает.

Уже совсем поздно вечером, почти ночью, Сенин пошел выпускать Ясенцева, но в бане ни Лешки, ни Грифа не было. Сенин посмотрел вокруг – совершенно точно, никого нет.

– Да куда ж его... Ч-черт... – тихонько ругнулся Сенин. – Если до начальства дойдет, оба под трибунал встанем... Сбежать не должен, а вот что задумал опять?...

Глава 3

Тая поднялась рано утром. Хоть и любила поспать девчонка, но ей никогда не нравилось хоть в чем-то быть поводом для недовольства начальства. И вот, сколько она уже воюет, столько и пересиливает себя. Каждый день, каждый раз. Даже тогда, когда все бойцы еще спят. Им чего – им никто ничего не скажет, а ее сразу носом ткнут, дескать, тебя сюда не за руки – за ноги тащили. Назвалась бойцом, значит, режим для всех один. А то... развели здесь детский сад. И ведь, как бы Тая ни старалась, а за спиной обязательно кто-то буркнет парочку слов ласковых. Даже тогда, когда ее Тишка работает лучше всех, и больше всех мин обезвреживает – все равно есть такие, кто так и ищет, к чему бы придраться. А иные и вовсе не верят ни во что. Думают, что она свои награды заслужила совсем не подвигами. Да лучше вообще не думать, кто там что думает.

Помнится, Тая еще в разведроты была, так на нее хозяйка все время коршуном смотрела. А раз не удержалась и зажала ее в сарае:

– Пока мы тут своих мужиков ждем, такие, как ты с нашими мужиками-то на войне и ластитесь! – злобно прошипела она.

– Пока ты здесь думаешь всякую грязь, – резко оттолкнула ее Тая. – Я твоих детей от смерти спасаю!

После этого хозяйка стала потише, а уж потом, когда из всех в живых осталась только Тая, эта женщина плакала у нее на груди, прощения просила, крестила ее. Даже Тишку к себе прижимала, как ребенка. А ведь деревенские-то бабы не слишком к собакам с любовью – то...

– Чего притихла? – спросила хозяйка. Она тоже была здесь. – Чего плохое вспомнила – вон, как насупилась.

– Ничего... так я, Анна Мироновна, задумалась, – вздохнула девушка.

– Сегодня, смотрю, одну косу заплела... – задумчиво улыбалась женщина. – Красивая ты... Я вот смотрю, по тебе – то тут, почитай, каждый вздыхает. Ну, кроме стариков, конечно.

– Никто по мне не вздыхает, – насупилась Тая. Теперь эта хозяйка начнет ерунду говорить.

– А то я не вижу! – усмехнулась женщина. – И Лешка Ясенцев, и Валерка Прутков – тот, прямо, по-телячьи на тебя глядит! Смешной такой – морщится, хмурится – все старается старше показаться... И... этот еще заглядывается... Кудяхин. Ты как к нему?

– К кому?

– К Кудяхину, к кому ж еще, – попыталась казаться равнодушной Анна Мироновна. – Он парень красивый. Чернявый такой. И... весь, прям, герой такой.

– Они тут все герои, – перед небольшим зеркалом пыталась разглядеть себя Белова. – Так, вроде все нормально... Тишка, Эй, микроб, ты готов?

– Да готов он, готов. А про ухажеров... Ну и правильно, – как дочери поправила ей гимнастерку сзади женщина. – Вижу, ты в бабью-то пору еще не вошла. Молоденька ты еще. Отвоюешь, и встретишь своего ненаглядного... Да сядь ты, сейчас чай притащу...

Тая никогда не перечила взрослым. Да и как от чая-то отказаться. Еще и Анна Мироновна эта с ней... по-матерински прямо...

– Говорю, пора тебе еще не пришла, – опять вернулась к своему разговору хозяйка, когда поставила перед девушкой толстый самовар.

– А что это – пора? – не совсем понимала Тая. – Время какое-то особенное?

– Да как тебе сказать-то... – задумалась женщина и начала говорить. – Мы с первым – то моим мужем долго прожили. Да деток нам Бог не дал. Мефодий-то Игнатыч сильно старше меня был. Я еще девчонкой совсем за него пошла. Не хотела сперва, а потом...

– Родители заставили? – строго сдвинула брови Тая.

– Нет, отчего ж... сама я... – округлила глаза Анна Мироновна. – Детей-то у нас в семье было много, да девки все. Тяжко бате с мамкой было нас тянуть. Да и больно строг был тятка-то. Чуть что не так, так ить не тока за косы, мог и поленом навернуть. А Мефодий Игнатыч был рассудительный, взрослый... правда, когда на меня смотрел, так прям щекой краснел, как девица, вот те крест...

– Любил, наверное.

– Любил, – стгласилась женщина. – И жалел всегда. А потом Бог его прибрал. Занемог он и в одночасье умер. Никто так и не сказал – отчего помер.

– И вы остались одна? – испуганно смотрела на женщину Тая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.